

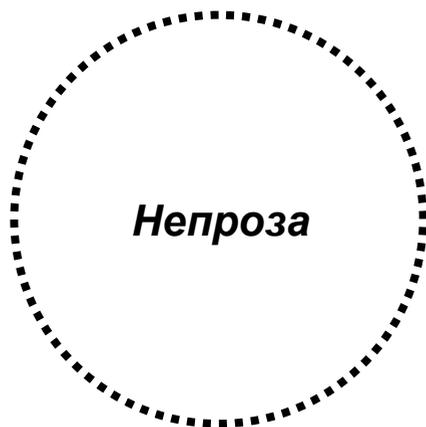
Александр ВОЛОВИК

ПАЛОЧКИ МАЭСТРО

Москва

2008

Непроза

КОГДА-ТО...

Напротив памятника Пушкину
кафе-молочная. Я там
машу сосискою надкушенной —
как бы указываю рта
режим и ритмику жевания:
альты — *ням-ням*, басы — *хруп-хруп!*..
Жуют студенточки жеманные,
потом лицо платочком трут.
Смели два марципана щёголи,
два капитана в галифе.
Клыки, кренясь, у бабки щёлкнули,
она немножко подшофе.
А за стеклом *моя милиция*
законно алчет шоферов.
Шуршит бульвар тверскими листьями.
Лицо луны вздымает бровь.
В углу качнулся и уснул-таки
алкаш, как твёрдый знак загнут.
В «России» в Малом зале мультики.
Начало через семь минут.

* * *

Тягучий сюжет выползал неспроста
из мякоти сморщенной мозга.
Вибрировал кулер, считая до ста,
а может, до ста девяноста.
Будильник бубнил, что сегодня — вчера.
За стенкой собака басила.
Барахтались, в Сеть угодив, хакерá,
и вирус их жалил, бацилла.
Просверлен Светила сверххилым лучом
курсив и погас в одночасье.
Жестоким курсором навывлет утчён
пейзаж и разъят на запчасти.
Потрескалась вечность. В сортире искрит.
Санскрит перепутался с феней.
Осмеян последний истец и обрит.
Как лох, запинается гений.
Настырная совесть бодучей, чем чёрт...
И всё это — мне показалось —
сигнал, что жива и пахуче течёт
сюжета тягучая гадость.

ДЕЛА

угрожал ножом нанёс побои // след зафиксирован
справкой врача // врезалась в пень пострадали
двое // вывихнула ключицу плеча // окопался с ба-
бой в проданном доме // дверь на замке телефон
отключён // отлучился на год в пустыню гоби // она
уже с ветеринарным врачом // ворвался в комнату
ругался матом // махал кулаками дразнил собак //
соседа-ветерана обозвал «приматом» // научила
ребёнка «папа дурак» // заявился пьяный крушил
посуду // пианино деку разбил топором // не спус-
кает воду гадит повсюду // жилая квартира бес-
предел погром // ехала на красный // вырвали мо-
билу // потерял расписку чемодан вокзал // ото-
брал бумажник прямо у могилы // справка об от-
цовстве нанёс угрожал

* * *

Забудь каток и колесо, историю и шар.
Забудь наивное — когда ты верил: что-то есть.
Недоказуемое Всё, неведомым шурша,
всё тает-тает... И еда — единственная вещь.
Увы, законы (дважды два) и практика (курьёз!)
равно сомнительны. Одна метафора права,
Она с капелью ржавых крыш сольёт дождевики слёз,
к вулкану приравняет прыщ и к музыке слова.
Метафора родит лиризм, она включает свет.
И в этом свете (только в нём!) является предмет.
Всё — виртуально: водоём, премьера, интернет...
Так называемая жизнь необъяснима. Нет.

ВЕК — МНОГОЯК

Век — многояк: то трепет недр, то цокот монет.
То нет Материи как нет, то Времени нет.
Но он проедет перегон и ляжет в аннал.
Его не сгубит самогон-тротил-аммонал.
И, руша фабулы скелет, событий мня воск,
сечёт-сечёт его (сто лет не просечёт!) — мозг.
Оцифровал за годом год — и что, что их сто! —
компьютерный бесстыжий код, и врёт, и врёт — что:
превышен уровень того, принижен — сего,
и где резвилось божество — гниёт вещество.
Ещё вчера зияла щель — сегодня: бугор.
И не злодействует Кощей, смещённый Ягой.
Деревенеет капитал, чтоб ткань стала — сталь.
Где голос пел и обещал — сегодня: «Отстань!»
Вот пожелтел газетный лист, не жжётся глагол,
Ваяет монументалист мемориал — в стол.
И всё напористее тьма, безжизненной свет.
Нет памяти и нет ума. И времени нет.

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В ПОЕЗДЕ

Т.А.

От румяного старца с протухшим вздором,
не с небес ловящего рифмы капли,
до тебя дойдёт ли восторг, с которым
на тебя глядит он, почти *ловаплен*.
Когда едешь в поезде — не до смеху.
Там тряхнёт, там грохнет, там чижик сбитый...
А в тамбуре потчуют самку еху
абсолютно чистою *аквой витой*...
Старикан поёрзает на сиденье:
ревизор — А ну, предъяви, *де-ду-ля!*—
и пушок встопорщится, точно перья,
возмущённо плешь оголив седую...
Паровоз запыхал — пора к перрону.
Всё кругом играет, и — прямо в ящик.
Освещает запад одну персону.
Это старичочек, едва стоящий
на ногах, пускает пузырик рифмы,
задыхаясь, но и, как юный, тая.
Он уже затих. Он почти что дрыхнет.
Но кому-то шёпотом: Таня, Таня...

ПЕРЕСМЕНОК ВРЕМЁН

Пересменок времён.
Пересмешник пока не на дыбе.
Эшафот, осквернён голубями
и кол не колюч.
Ещё вежливы власти —
послышалось даже «спасибо».
Но торопится мастер
закончить наручник — под ключ.
Надрывается дилер:
ища, привлекая, вербуя.
Добросовестный киллер
контрольно вскрывает висок.
А пока со стаканом
поэт проповедует бурю,
символический каменщик в белом
встаёт между строк.

УРОКИ МУЗЫ

Репетиторша Муза всё учит меня: «Полиричней!
Душу, душу раскрой! Да пошире, чтоб видели все.
Что за рифмы, старик!

Так вообще рифмовать неприлично!..

Тут — любимую вспомни в её ненаглядной красе.
Тут — уместен пейзаж, непременно с дорожкой лунной.
Там — обценно приправь нашу русскую удаль тоской.
А в четвёртой строфе намекни, что созданием юным
увлечён твой герой, ровно сдвоенный Гумберт какой...»

.....
И — корявый балбес — неужели дождусь пересдачи?!
Наконец, оправдаю унылый безрадостный труд?
И каникул мираж промелькнёт сыроежкой с дачи.
И седой академик мне, брезгуя, выставит «уд».
И с условной зачёткой рвану в виртуальное небо.
Там молчит ураган и орудует ласковый бриз.
Что земное теперь! Я всё грезил: небесного мне бы!..
Ну, и вот она, Вечность — труду и усердию приз!

* * *

Дорога прямая, и солнце блестит,
и звёзды горят на боку коньяка.
Чего не расслышу — пожалуйста: титр,
а не разгляжу — кто-нибудь да подсказет...

Этот сюжет разрабатывать лень,
а хочется жечь, но глагол не из тех.
Я, дамы, пред вами не встал бы с колен,
когда б за плечом не мехмат да физтех...
Из тех, из которых ни выбрать, ни взять
ни ту, что подругой, ни ту, что сестрой,
я буду выискивать и вычислять;
чудесный напиток утроит настрой.
Нас трое, я в лицах различных един:
то царь или бог, то истец и брюнет.
Я то ниспровергнут, то непобедим.
Однако, не червь, потому что — Поэт!
Мне что́ по этапу — что́ по этажам,
что́ влёт — что́ ползком;
что́ запеть — что́ запить.
Неважно — позор или славу стяжать.
А важно: что звёзды, что Солнце блестит...

КЛАУЗУЛА

(фантастический диалог)

КЛАУЗУЛА (лат. clausula - заключение, концовка) — ритмическое окончание слова, начиная от ударной гласной и до его конца. Любимый, кораблик, задраивать, поздно...

Владимир Онуфриев «Рифма: от простого к сложному»

— Нам есть, чем гордиться: отчётный период закончен, и мы не попали впросак.

Поднимем же тост за единственный вывод:
мы мчимся к победе на всех парусах!

— Любимый, кораблик задраивать поздно,
каюты затоплены, в трюмах бурлит.
И только по палубе мечется воздух.
Он ранен, и где же лентяй Айболит!..

— Очнись, дорогая! Сегодня суббота.
До вторника выплывем, вот тебе зуб.
Технички и юнги давно за работой,
и дуют вручную в отверстия труб.

— Но новые волны топорщатся грозно,
и — как его? — шквал, или этот... Мальстрём...
Любимый, кораблик задраивать поздно!
Мы обречены! Мы сегодня умрём!..

— Ну, ты бы ещё бы чего бы сказала!
Кругом тишина. Не аврал, а простой.
Что поздно-непоздно, узнаем у зама.
Какие там волны! Тут синус простой.

— Да нет же! Нас крутит, как в супе пельмени!
Да, это Мальстрём, я читала у По...
Так страшно, что хочется встать на колени...
Любимый, кораблик заdraивать по

(Идут ко дну)

* * *

Не творец: исполнитель,
не программер, а — юзер,
я не выдумал буквы,
ни приёма, ни позы.
Паразит на готовом,
опьянённый *какавом*
(или всё-таки пивом?)
я вербальным канканом,
словно вьюноша бледный
или пасынок блудный
стихотворно бесплодный,
хоть и ладный, но нудный
пай-младенчик со стажем,
февралём ненаглядным
задираю бесстыже,
то глумясь, то насупясь,
как метафору складный,
гуттаперчивый суффикс.

ПАУК И МУХА

Человек-Паук укусил Человека-Муху
Человеку-Мухе лететь бы куда фасетки
Но он был аскет и сознательно шёл на муку
И нарочно запутался в цепкой паучьей сетке
Человек-Паук питательно впрыснул в кожу
Человека-Мухи сок чтоб толстела мякоть
Обезболил добавил к соку стакан наркозу
Округлил как нолик до самых дотошных знаков
Окормил как батя по-полной и ждал надеясь
На наружный процесс верней на его ферменты
Человек-Муха вспотел переполнен через
И впервые подумал что сладкие экскременты
Для него возможно потеряны безвозвратно
Равно как и самки сладкое же жужжанье
И телесно выпитый залпом от жажды жадно
Он душой улетап на новых крылышках ватных

НА ВОЗВРАЩЕНИЕ ЯМБА

*Четырёхстопный ямб мне надоел
А.С.Пушкин*

О ямб, друган четырёхстопный,
один лишь ты на свете прав.
Что́ пред тобой *верлибер* потный,
что́ — стрекотание октав!..
Эй, худосочная газелла!
Как ты посмела! Как посмело
чужое *хокку* (5-7-5)
с великим Ямбом рядом встать!
Да, я соскучился без ямба.
Я чуть не выронил *стило*.
Пока торжествовало зло,
мне ямба не хватало явно.
Но это всё прошло вчера.
Теперь вернулся он. Ура!

СВОБОДА ТЕПЕРЬ

Брожу среди улиц. Имею
свободных часа полтора.
И рад, как похмельный Емеля
со сказочной щукой с утра.
Завязаны тучи узлами.
Термометер косит на ноль.
Свобода! Ведь это же знамя,
которому я присягнул!
Что ноль! Мне сегодня и минус
не сможет испортить досуг.
Вот жаль, телефоны сменились
за сорокалетье — подруг.
Но я пересилю досаду
и приступ тоски перебью.
Но я на бульваре присяду
на редкую ныне скамью.
Всё так же, как прежде красивы
фигуры отзывчивых жён...
Бутылку прохладного пива
открою карманным ножом.
Опять оттеняет барокко
деревьев потухшая медь.
Я тут проторчу одиноко,
покамест не станет темнеть.
Вот в сумерках пара за парой
взлетят, обнимаясь, в зенит.

Старушки побрякают тарой.
Трамвай чем-то там прозвенит.
Потянет сырою прохладой.
Бабуси посуду сдадут.
И вот — притягательно сладок
домашнего дыма уют.
Пора возвращаться к покою.
Метро. Телевизор. Постель.
Так вот она, значит, какую
Свобода предстала теперь.

ОКТЯБРИ

Хрущёв и Лермонтов.
Октябрь.
Допустим, *иды*.
Решенье Пленума.
Рожденья торжество.
Где — лысина?..
Бровей орлы приятны с виду.
Гусар в подгузнике.
Стихи маня́т его.

Ужель в последний раз ласкаешь ты кормило!
Отпустишь — и один.
И будто овдовел...
А тот у бабушки,
задумчивый и милый.
Сопит и чмокает. А впереди — дуэль.

Не вовремя Покров: всё солнце вылезает.
Захлопнуть бы тетрадь подальше от греха.
Синеют *огурци*. По полю скачет *заец*.
Октябрь уж наступил. Уж ро́ща отряха

Я

Знай: это я!

Козьма Прутков

Я вовлечён в пространство бытия**Я**.

Я жизнь прошёл от края и до края**Я**.

Я переполнен собственными **Я**.

Я ль виноват, судьба ль моя така**Я**?..

Я погребён под горами тряпья**Я**.

Я зѣмы не люблю. Ах, мне бы ма**Я**!

Я ем еду. Мечтаю. Жду трамва**Я**.

Я пиво пью заместо муми**Я**.

Я стар теперь. А в детстве, партизан**Я**,

Я был фанатом Дедушки Маза**Я**.

Я весь погряз в гордыне, твёрдо зна**Я**:

Я был. Бываю. Есмь. Пребуду — **Я**!

Я понял **ВСЁ** (наука-то проста**Я**!)

Я только не уверен: я ли — **Я**?..

ЛЕТАЯ, ЛИКУЯ, ИГРАЯ

Ц. это ц. — О.М.

Взлетал я в зенит и планировал вниз,
но я не участвовал в войнах.
Играл бессеребрено в бисер на бис,
как бес у небес беспокойных.
Клевал наклонений калёную суть,
ничуть не склоняя колена.
И лысого флага болтался лоскут
тоскливо — то клёво, то влево.
Болтун многоякий, глумливый глагол,
как гугол¹, бездонен и гулок,
на руки, на крюки и просто — на пол
не *лбжил* охальных охулок.
Напротив: матроны, мужья и зятя,
Светланы, Ларисы и Вали
в восторг приходили, в мосторг заходя,
и 5 мне любезно совали.
Шестой — обглодает последнюю кость,
отправлен блюсти безответственный пост
в окрестности постмодернизма.
Я «А» произнёс и, того гляди, «Б»
появится где-нибудь с краю.
Я — виден. Но главное: сам по себе.
Летая. Ликуя. Играя.

---

¹ Гугол — самое большое число

РЕЧКА СХОДНЯ

Извивы стиха непредсказуемей тика.

Там буква мелькнёт, там — слог, а вот это — что там?..

Петлисты: река и уши *преступного типа*.

Он *пентиум*, типа, заносит над нашим счётом,
не *гамбургским*, правда.

А по реке — барашки,
вроде, *агнцы*, а в перспективе — жаркое...

Электропоезд мчит через мост к «*Трикотажке*».

Солнце сменяет дождь... Непостоянство какое!

Сходня бурлит, завивает круги и петли.

Тут был когда-то лес и, должно быть, леший.

За наяд не скажу, не знаю, были ли, нет ли...

(Вот у меня таки б́ыли — *вихры*, *враждебные* плечи!)

Я уж не с *кровью* рифмую *любовь*, а всего лишь с *болью*.

Прячется кобальт неба в столовой *гжели*...

То, что когда-то звонко звалось любовью,

тихо влетает в синее, без движений...

Чаю ли выпить? *Выплыть* ли — на дорогу...

Вторит изгиб изгибу, как сказка — факту.

Ночь в стихах рефлектирует понемногу.

Звезда звезде посылает *месседж* но факсу...

Синее станет серым. Слетают листья...

Осень. Штампы аллюзий впишите сами.

Я уползаю в тёплое закулисье.

В собственную тарелку. В родные сани.

* * *

Тропинкой, похожей на прочие,
движенья напротив не против я
Но тут настаёт многоточие,
хлебало раскрыв многоротое.
Кривую срезает, уродуя,
и вот обращаюсь в валета я,
бессмыслицу многобородую
младым поколениям советуя.
Они наступают, *орясины*,
на пятки мои ахиллесовы.
Такая идёт катавасия,
хотя ещё всё-таки весело...

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ШАРГОРОДСКОГО

Июнь дотошно соблюдал закон
дождя – чтоб ливнем лился, а не капал.
В июле груша штурмовать балкон
взялась, десант плодов отправив на пол.
По крутоярам, спускам и горам
свирепо, как Батый или Аттила,
за ливнем вслед решилось на таран
светило и щедрее засветило...
Но время шло. Того гляди – пурга.
Сентябрь уже прошелестел победу.
А лето – в ссылку: поливать юга
послал по злomu, видимо, навету.
Октябрь... ноябрь... Открылся, как сезам,
сверкнув неосторожной белизною,
лихой январь. И вот: исчез вокзал
навек. И сердце дрогнуло, больное...
О Киев! Ты – не содрогнулся ль весь,
не дал ли воплю горестному волю,
когда тебя покинул твой певец,
взят навсегда морозною Москвою?!..
Но нет, ничуть не дрогнула земля,
не приуныли *харные* хохлушки,
и не поникли в скорби тополя
и завязи осиротевшей груши.
Народ рысцой привычною бежит.
Двуцветный прапор реет без печали.
Как мало тех, кто помнит и скорбит,
осознаёт, кого мы потеряли.
Твои стихи листая наугад,
столь яркие, что можно ощущать их,
мы видим не простуженный Арбат,
а летним ливнем залитый Крещатик.

* * *

Так. XXI столетье.
А в прошлом веке (где он ныне!)
я жил, как все: ел щи на третье,
негласно вопиял в пустыне...
Дробясь в нутре зерцала мутном,
с утра бухую скалил морду.
Натужась, втискивался буквой
в ячейку тесного чайнворда.
Пока самцы шукали веру,
блудя посты, как постовые,
искал я пару, как химеру,
был погружён в стиха стихию.
Пока бананы ямба ел я
и отливал в часы отлива,
она, как ящерка, глядела
зелёным глазом похотливо.
Я выходил в *инет* без ника —
таким Гаруном (аль — Рашидом)
и тусовался там безлико,
перепоясанным шахидом
спеша в толкучку масс народных,
дрожащих в трепетах лобзаний,
как исполнитель на скейтбордах,
елозил злачными задами.
Под едкий запах перегару —
в метро, в его тягучих штольнях —

как шелкопряд, искал я пару,
а получал её — как школьник.
И вечным двоечником, воя,
вкусив субботней трёпки предка,
не забывал: теперь нас двое —
я и проклятая отметка.
Хоть был я видный, вроде, парень,
внедриться мог в любую щёлку,
Но лучше бы я был непарен
и на-гора давал бы шёлку...
Я не хочу служить в балете,
мамоне, богу и отчизне!
Вернись, XX столетье,
и снова молодостью брызни!

* * *

делающие белое и цветное
следующие вело- и моторикшей
машущие плавающим каноэ
мощам завещающие деньжищи
публикующие исподнее утром свадьбы
отвергающие пищу вещи помощь
намекающие просящим — надо бы дать бы
щебеты подслушивающие полночь
вермишель прожёвывающие хрустом
вдоль себя уже — поперёк шире
щёлочки и соли земли русской
оспаривающие дважды два четыре
шуршащие шёлком и крепдешинном
флэшмобствующие оранжевыми площадями
рассаживающиеся скрежещущим автомашинам
захлёбывающиеся шуточными щами
плачущие прозаики смеющиеся поэты
рифмующие: *под тяжким игом — подтяжки мигом*
шлющие радио и газеты
предающиеся пороку и компьютерным играм
почкующиеся первом залёте
вистующие мизере тройной бомбе
тройню вынашивающие самолёте
отягощённых слов изощряющиеся набобы
те которые и те которых
чистящие хрень картофель *ру́жья*
вышивание вышвыривающие чужих котомок —

ДАВАЙТЕ ЖЕ ЖИТЬ ДРУЖНО!

* * *

Я вхож в один кружок
богемного, похоже, толка.
Где с серьёзными постмодернистами
и симпатичными концептуалистками
закусываю то постным пловом,
то острым словом,
то салом французским
постмодернистские перформансы,
концептуальные инсталляции.
Водку. Стихи.
Весёлый мат интеллигентский.
Никотиновый дым.
Шум. Палиндромы. Предметы искусства.
И посмотримся мы, как пришельцы с Марса.

Я видел в книжке постсоветской фото.
Фас, профиль и глаза.
Горящие от ужаса глаза
безумного замученного Хармса.

О СЛАВЕ

Мир не скован из железа.
Он не злобен, не жесток.
Потому что я не лезу,
понимаю свой *шесток*.

Жечь для славы или *понта*
мне ли — разума свечу!
Кукарекну — потихоньку,
и — пеструшку потопчу.

Выну ль из жемчужной кучки
я какашечку *словца* —
покудахтают несушки
вот тебе и слава вся...

Вякнешь шибче — *пипл*, пожалуй,
пробудится, зол и дик!
Зря что ль *рек* старик Коржавин:
«Никого нельзя будить!»

Там обидишь *богоносца*,
там не тот помянешь *член*...
Наше слово обернётся —
даже *хрен* не знает, чем.

Слава слова — безусловно —
как заплатка на заду...
В заключение злобный слоган
за бесплатно приведу.

**От заплатки яркой, *кореш*,
Сразу *рубщицу* — хана...**

Может, скажешь, в горле горечь?
Так и в пиве есть она.

ЭТЮД

Она издавала панический крик,
который был слышен издалека.
Она издала несколько книг
общим тиражом, неизвестным пока.
Она веселила скромных мужчин,
я даже сказал бы — трэфных хрякóв,
и дюжину кофеев «каппучин»
без закуси на-спор смела с лотков.
Когда же поплыли наперекосяк
любимые — город — газон — кровать,
она говорила одно: пустяк
и продолжала пиры пировать.
Но вот, как в частности, так и вообще,
затмила светило чужая тень.
В дверях засветилась заглавная «Ч».
Плеер облезлый обрезал трель.
Летучие крылья сложил вампир,
и бухнул колокол — ни о ком...
Пойми теперь, кто — бормотал, вопил,
и кто — выпрыгивал из окон!
А там, где вибрировал хронотрон,
перелопачивая быльё —
свалка разобранных хромосом
для вос-произ-веденья её.

* * *

Как времена летят? — Как птицы.
Сперва вперёд — потом назад.
Что́ было — то и воротится,
как *пить дать*. А не дать — не взять.
Чума истории возвратна.
Грядут прошедшие года.
Где было солнце — только пятна.
Поставил пробу б, но — куда!..
Как в триллере, паля навскидку,
набив палёным толом лиф,
воздушный храм судьба-шахидка
развеет, по ветру пустив.
Чтоб в облаках, как в одеялах,
как будто привиденья, мнясь.
остатки, прежних идеалов
с кем по́падя вступали в связь.
Пора — зубрить по-новой коды
Эзопа: чтоб не замели...
Ведь *даровали* нам Свободу.
А мы — воспользовались ли?

БЫТЬ ДОЛГОРУКИМ

*Ерунда! — сказал дьяк, —
Из вас должен быть всяк
в теле*

А.К. Толстой

Зомбированный Закулисой,
я замечаю всё, что скверно.
Мне всё — равно: солома, сено,
какашка, лампочка, грейпфрут...
Вот девушка: сидит *орлицей*
в преддверье метрополитена.
Как сфинктер, рот *ея* извергнул
непереваренный продукт.

Вот юноша под кайфом пива
(или — чего?..) угрюм, но весел,
ботинком вдребезги посуду
опорожнённую добил.
Вот пуп показывает дива,
как это водится повсюду,
сама в полутяжёлом весе,
а муж её — *вааще* дебил.

А там гадалка кажет бубну.
Её глаза черны, как сливы...
Вот старец с челюстью в стакане
бредёт неспешно босиком.
Вот члены Думы, остроумно
обозванные «*думаками*»
ещё при *поза-том* созыве,
при государе при другом...

Вот обновлённая столица
пронзает башенками небо.
А главной башней, той, что *теле-*,
слегка помахивает, злясь.
Кругом кошачьи, волчьи лица...
А каждый быть должен бы — в теле,
жить без волнения и гнева
и долгоруким быть. Как князь.

УЛЁТ В СЕТЬ

(прикольные стихи)

Симе

Думал: напишу-ка я с «приколами» стих:
музы мимолётные смеялись, летя.
Но от них шёл дух свирепой молодости,
тяжеля стихосложение — вроде *стали литья*.
Я взлетал на **Oblake**² самых вычурных *мечт*.
*Убещюр*ом бешеным шевелился курсор...
Нет, стихи с *приколами* — это надо уметь.
А иначе выйдет ведь просто стыд и *позёр*.
Так я думал шёпотом, своё пиво цедея,
строчечки за строчечками *шля* на экран.
А пока *реал* я покидал навсегда,
рифму свежесловленную кто-то украл...
Тут, в Сети, нет возраста, то есть он — замени́м.
Буду вечным школьником: ни каникул, ни дат.
Ни грешков, ни обстоятельств, что ни лоб, то нимб.
И я почти что голенький тут — в очках и примат.
Но рулят крылатые те́ — прямо сюда.
А я-то с *ником* с одним — гляжу старичком...
Думал: вторник, мол, а это такая *среда*...
Вот те, значит, внучечка, и искомый *прикол*!

---

² Это стихотворение было размещено на сайте www.oblako.com. Которого теперь, к сожалению, нет...

КУРТУАЗНОЕ

Голова моя вроде ладони:
волос выпал последний: ослаб.
Буду старый (сейчас молодой я) —
сочиню мемуары про баб.
Как онѣ на менѣ³ были падки,
как я их — штук по восемь подряд...
А ведь были среди них сексопатки,
сексопилки и пара наяд.
Расскажу, как, шалун и проказник,
был я *hard*, а где надобно — *soft*⁴.
И предстану таким *куртуазным* —
что там этот... забыл... Степанцов!..
С милой рай не в шалашике, хрен-то!
Он — везде, от дворцов до хрущоб...
Мне кричали: “Даёшь алименты!”
Мне шептали: “Ах, только б ещё б!..”
Мне важней, чем анапест да дактиль,
кое-что, чего нету у дам.
Тойсть мужской, извиняюсь, характер
ну и мелочи разные, там.

---

³ до менѣ?

⁴ *Hard* — жёсткий, *soft* — мягкий (англ)

МОСКВА И ЕВРЕЙ

Драма в стихах

Из левой кулисы на авансцену бодрым ритмическим шагом выходит Еврей. Москвы не видать.

Еврей (звонко):   Где ты, порт пяти морей?

Москва (глухо):   Не скажу тебе, Еврей!

Еврей понуро, хромя на обе свои собачьи ноги, уходит в правую кулису. Москвы не видать.

Занавес

ДАЧНЫЙ ВЕЧЕР

В сад-огород выползаю — пора-не-пора.
Первые всходы: игрушка, бутылка, катушка.
Из *DVD* перманентно гремят тенора.
Соткой левее сосед удобряет капусту.
Солнце уже не такое, как было вчера.
Рой насекомых, нет, *сонм*, или *полчища* лучше,
в кучу сплетаются и разлетаются тут же.
В воздухе тает, в росу растворяясь, жара.
Вечер упал кособокою мягкою тучкой.
Стелется *простынь*. Подушка наивной простушкой
самовзбивается. Колкую звездочку, ту, что
мы проворонили, скрыл, как улику, туман.
Скажешь, примета? — да мало ли было кликуш-то
из бесноватых, блаженных, поэтов и даже путан!..

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕЩАЕТСЯ ПОСТУПАТЕЛЬНО

Время перемещается поступательно
и почему-то рябит поперёк.
Выдыхает мгновенья спрессованные
знаменательных и незнаменательных дат.
Ах, как — по этому эскалатору,
движущемуся вниз и вперёд —
я с удваивающейся скоростью
пробежал бы вверх и назад!

Текущие нулевые года, т.е. от нуль первого
по грядущий десятый, почти что не в счёт.
Они, правда, чем-то, и даже многим, похожи
на те, что давно прошли.
Как будто бы некто в бесцветном,
а может быть, просто чёрт,
Из особенной эзотерической вредности
перепутал девятки, тройки, нули.
Во всяком случае, я б оттолкнулся
пятою *ошпóренной* от современности и — айда
в смутные девяностые,
где грозные теперь олигархи ходили под стол,
где путчи коммунистические
сотрясали столичные города,
а свободному телевидению только ещё грозили
державным перстом.
Приостановился бы в памятные 80-е
и поглядел бы ещё, может быть, разок,
как в апрельском озоновом воздухе
6-я статья Конституции неуклонно катится под уклон.

С дебатирующими депутатами,
как серсо, покатал бы *Пятое колесо*.
Отоварил бы свеженькой водочкой
ежемесячный блёкловатых тонов талон.
Задержался бы, застоялся бы
ещё на 10-летие-полтора позади.
Кроссворды в душейной курилке,
ЛТП (личный творческий план), стенгазета по вечерам.
Производственные чаепития, мемориальные пряники,
строго с портретов — вожди.
Все ещё живы и деятельны.
Дети лопочут и ползают — пи-пи да ням-ням.
А чуть выше — сангвиником-козликком я по лесам,
кинозалам и даже озёрам (не бодаясь!) скакал.
Ах, гулянки, экстаз молодой, поиск *методом тыка*,
вот-вот догоню, (о)познаю, короче — найду.
И неожиданный после увенчанный закономерный
и, как оказалось, довольно успешный финал.
То есть новая жизнь началась и, возникнув,
в момент превратила предыдущую в ерунду...
Ещё на ступеньку-другую, и вот:
год одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмой.
Май. Орлов над вокзалом и молнии над мостом
я вижу, как будто вчера...
Июнь. Полыхание запаха: липа. Не злой,
но всё-таки, кажется, зной.
Август-сентябрь. Жара. И отчётливо слышно
лязганье танков из-за бугра.
Но выше, выше! Туда, где доска
в интегральных красуется кружевах,
где среди лекции по диффурам приёмник,
чуть ли не детекторный — Гагарин! — вскричал.
Несанкционированный выплеск восторга,
манежные струи очищающих вахт...
Всё теперь — наше! Москва — космопорт,
спутников гордый причал.

И ещё: по склонам грядущего МКАДа
укладка квадратной травы.
Целина, где восходы, свинарник
и розовый тальник на нём.
И картофельные пыльные будни,
без годов и без дат, увы...
Это время, с которым сегодня я как бы на Вы,
а когда-то скакал и резвился весёлым и глупым конём.
И на угли глядел у костра,
однозначно и монотонно угасающие к утру.
И думал: вот это запомню теперь навсегда
(и запомнил — вот!)
А наверное, это я (да и все мы) в такую играли игру,
как бы двигали фишки: работа, урок, поход...
Я смотрел как на площади Красной —
ещё допионерские карамельки жуя —
из далёкого ряда, у ГУМа, а в душе ликовал и пел —
небольшой — но я знал, что Великий —
человек в шинели (это я Его вижу! Я!)
попирая могилу предшественника,
выколачивал смрадный из трубки пепел.
И уж вовсе времён в глубине я гляжу,
как, найдя под откосом тайник,
мы, дети, кидались боевыми гранатами
(и почему-то не взорвались).
А однажды с юга на север (или с севера, может, на юг)
— откуда он к нам проник? —
проплыл дирижабль краснозвёздный зелёный,
как огурец или длиннозёрный гигантский рис.
Внизу за глухим забором, но сверху мы видели всё,
жил бывший поверженный враг:
пленные хмурые немцы копошились,
и доблестно их сторожил наш геройский конвой.
Мы знали: *покажь* им красную тряпку,
на советский хоть отдалённо похожую стяг —
ух как бы они — *Доннерветтер!* —

зашлись бы, закашлялись в ругани злой!..
А бабуля на керосинке, не глядя — да и зачем! —
варила рисовый суп.
Толокняную кашу под цвет одеяла,
мешала в кастрюльке и грела среди одеял.
Дедушка с мамой трудились за свой небольшой
ещё дореформенный *руль*.
И постоянно отсутствовал пропавший без вести папа,
которого я никогда не видал...
Что ж, эскалатор приехал, вот оно, начало времён.
По дороге в Москву
безликий мужчина в кепке надо мной,
на подушке узкой лежащим, глянул в окно:
«Подъезжаем к Казани» — сказал —
и с этою фразой я почему-то всегда живу...
Но ещё из времён было самое давнее,
скажем, времени — дно.
Стульчик высокий, кажется, серый,
но может, и голубой.
В кухне просторной сияет и блещет
медный начищенный кран.
Около двери соломенная копна —
она называется *просо*, стожок небольшой...
С дедушкой на траве... Печенья-*коржи* на соде...
Далее тишина, бессловесно гаснет экран.

МЫСЛИ ПЕРЕД СНОМ В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

Он думал: ведь, у меня всегда была неплохая наследственность; мне, может, осталось прожить целую жизнь — Лермонтова, на худой конец, Галуа. Неужели этот остаток, довольно большой, будет всё темней и темней? Неужели же так ничего и не сварит ржавый мой котелок, лысая голова! В ней же бессменной династией издавна проживают цари. Да и сам я, хоть, может, и червь, но бог, сам себе и маяк, и маньяк... Где ж ты, мой старенький добренький Фауст, где вы, мои молодые *Мицyrú*? Где, наконец, моя первая гамма, лемма, первая теорема моя?.. Так размышлял он, то глаголом, то интегралом размахивая, как шашкой на всём скаку, к годам переменного возраста прибавлял то семёрку, то тройку, а то пририсовывал нуль. И пока он об этом мечтал и думал, всё метался северный ветер по пустому его *чердаку*, и он позабыл, о чём же он думал, что было, что, может быть, будет, и постепенно незаметно уснул.

НА ЗАЩИТУ С.П.СТРУНКОВЫМ ДОКТОРСКОЙ

Ты стал, Серёга, важной птицей,
ну, прям какой-нибудь Бернсайд.
Мне б тоже тщиться приобщиться!
Я ж тоже — был!.. А стал — offside...
Рискуя показаться глупым,
я дальше продолжаю стих.
Пришёл конец *конечным группам*.
Серёга! Ты прикончил их...
А их любили. За *характер*.
За *нижний за центральный ряд*.
Бывало, гладишь *коммутатор*
за *коммутатором* подряд...
Теперь твой диссер будут вечно
читать над ними, как досье.
Остались косточки, конечно.
Ещё их грыз месье Кювье.

Да! Ловко кончик ты обстриг им!
А впереди — *колец! Полей!*..
Какой Бернсайд! Какой Кострикин!
По *смежным классам!* И — налей!

14 марта 1992 г.

Значение терминов, выделенных курсивом, я уже позабыл, но их можно найти, например, в книге А.Г.Куроша «Теория групп», изд-во «Лань», 2005. С.П.Струнков, а также У.Бернсайд (W.Burnside) А.И.Кострикин — известные математики, алгебраисты. Ж. Л. Кювье (J.-L. Cuvier) — знаменитый французский естествоиспытатель, натуралист, создатель палеонтологии.

ЛЕДИ ГОДИВА

Красотка, не знаю, как звать я,
забывчива — прямо хоть плачь! —
как есть, совершенно без платья,
нудистский покинула пляж.
Одета, как леди Годива,
и так же примерно скромна
с бутылкой початою пива
в автобус впорхнула она.
И тут же, воспитанный школой
непровинциальных манер,
сидение девушке голой
герой уступил пионер.
И все, как один, пассажиры,
мужи загорелые сплошь,
немедленно очи смежили,
хоть ехали с пляжа с того ж.
Водитель зажмурился тоже,
задумчив, усат, волосат...
И правильно спрятали рожи.
Тут что, блин, тебе — зоосад?!..
Автобус, как змейка, виляет
и громко (от страсти) гудит.
Водитель по опыту знает,
что чёрный провал впереди...
Но девушка вдруг подскочила,
тряхнула копною кудрей:

— Ах, я же там зонтик забыла!
— Ах, остановите скорей!..
Шофёр выражается громко,
на тормоз спасительный жмёт.
И вот она, пропасти кромка,
у коей автобус встаёт.
Выходит наружу Годива,
горды и осанка, и взгляд,
и пьёт недопитое пиво,
и ловит автобус назад...

ОСЕНЬ

*И осень, дотопле вопившая выпью,
прочистила горло*

Б.Пастернак

Лето к подмёткам не липнет.
Муха не рвётся в полёт.
Осень, вопившая: «Выпью!»,
выпьет и снова нальёт.
Лужи зальёт, под завязку,
всклянть, как бухой баргузин...
Ну, шевели свою сказку,
как демо-версию зим.

Бабу порадует летом,
кратким и кротким, и вот —
листья в манере балетной
спляшут, к примеру, гавот.
Грянет натянутым нервом
мокрый минор проводов,
и, эпатируя, первым
снегом повалит Покров.

Фирма ли веники свяжет,
свистнет ли рак на горе —
будет беситься в экстазе
снежная муть в ноябре.
И, наконец, успокоясь
и ничего не боясь,
ляжет в сугробы по пояс
и позабудет про нас.

ЗВЕРУШКА-66

Он крадётся, кренясь, на нестёртых шестёрках кривых.
Краевые дефекты эффектны, как те фейерверки.
Он упруго привстал, он увидел, наверное, львих.
Ловок, хищен, незрим...

        Может быть, он блефует? — проверьте!
На грядущие ритмы надеясь, и веря, и ждя,
он в преддверии бури бравурную гриву развесил.
Даже ночью, и в дождь сокрушителен жар куража.
Не жалей. Не залей! Он поэт, он *поэтому* светел.
Шесть столетий, спустя рукава, просвистят, как пустяк.
Аксакал, с высоты своих всех, он оскалится: классик!..
И шестёрки расчистят тропинку, что стала — СТЕЗЯ,
здесь он пасся младенцем, под стулом, на лысом паласе...
Вот он точит резцы, *ставит лапу*, и всё впереди.
Он писать приспособится, писать притерпится в тазик...
— Что же делать, скажите?.. — Попробуйте аперитив.
А потом попытайтесь сомлеть в эксклюзивном экстазе.

2008

* * *

Памяти Георгия Ница

В 66-м году, 42 назад
ярким утречком лечу я в цветочный ряд.
Облечён доверием, праздновать я рад
бракосочетания радостный обряд.

Вот я роз букет везу (розы — расцвели!),
к жениху на Курскую, после — на Фили.
Майский воздух светится, сладок и упруг,
и впервые женится мой высокий друг.

Я и сам половозрел и слегка нахал,
девушку какую-то в лифте целовал.
Машины знакомую в лифте целовал...
В мае губы просятся к девичьим губам...

Протекло всего-то лишь 40 с малым лет.
Губы так же тянутся, а ответа — нет...
Да и брак разъехался (дважды) по частям.
Гера, Друг высокий мой, где теперь ты сам...

ВЕРБАЛЬНОЕ БОЛЕРО

Вся жизнь — то семья, то школа,
то прачечная, то ЖЭК...
А как же тогда глаголы,
что якобы могут жечь?
А так: сходи в супермаркет,
товары повыбирай
и — крапай в тетрадь помарки,
нахрапом вломаясь в трамвай.
Межвременно́е пространство,
Серпинское решето...
Зазором для трансá — транспорт,
когда понимаешь — что́:
помимо жратвы и блуда,
при скорой езде в метро,
есть ещё сладкое блюдо —
вербальное болеро.
Не веером бальным позван,
что беден и заменим,
а неизлечимым гипнозом
влекомый — лечу за ним
Не оды и не романсы
про доблесть или красу,
а главное — резонансом
звенеть в унисон колесу,
его перестук копируя
в строкó текущего дня,
ведь ритм — император пира
и распорядитель огня...
Но в ритме ли только сила? —

Слагает со слогом стон
с усилием керосина
искусственный флогистон.
Поддерживаемый жаром
неведомой небесам,
практически данной даром
энергии колеса.

ШТУКИ

Стихотворение — не анекдот.
Не излияние и не глюк.
Не *чувств половодье*. Наоборот.
Это — **УПОРЯДОЧЕННЫЙ НАБОР ШТУК**.

Дам пояснение, кто туповат
(в первую очередь для себя).
«**ШТУКА**» — то, что летает — *над*,
фабулу комкая и торопя.

ШТУКИ — первичны. Как Слово: То,
Сказанное (О чём?.. Кому??..)
— Ну, а про что они? — Ни про что.
— Свет-то прольют? — Ни в какую тьму.

Каждая — абсолютно чиста.
Как эталон. Или — ориентир.
Это — кристальная красота.
Она никогда не спасает мир.

ШТУКА за **ШТУКОЙ** свой звон, штрих —
вносят *поштучно*, и вот (вдруг!)
выкристаллизовывается — стих.
Т.е. **УПОРЯДОЧЕННЫЙ НАБОР ШТУК**.

* * *

С.Л. и Н.Б.

Сегодня Коля был без Светы.
Она ушла к кому-то в гости.
Их в эти гости приглашали
когда-то вместе, но увы —
однажды Коля два бокала,
разбил, нечаянно, конечно,
с ужасным грохотом и звоном
в тех самых, *чопорных гостях*.

Теперь те *чопорные гости*,
верней, хозяйева, наверно,
имея недочёт бокалов,
уж Колю в гости не зовут.
И вот, приходится сегодня
ему вести какой-то вечер
литературный, где стаканы
выбрасываются вообще ...

СЛУЧАЙ С ВОЕННЫМ

Военнослужащего полюбила змея.
Она ночами приходила к нему пешком.
А военнослужащий был такой же, как я.
Только я с их уставами поменьше знаком.
Он был, видимо, храбр: от армии не косил.
И дедовщину с пониманием принимал.
И то сказать, тронь его какой-либо дебил —
до койки до собственной вряд ли бы дохромал.
Вонзился в дебила бы жала злой язычок,
дебилу бы плохо было, он даже бы сдох.
А военнослужащий получил бы зачёт,
боевой отличник и кавалер орденов.
Он потом, наверное, генералом бы стал,
потому что сызмала жезл железный носил,
потому что верен был лишь змеиным устам
и от армии потому что не откосил.

А я перевожу, запаса старей старлей,
в черновики лес, чтобы пнями прорастал в них.
Не взрывал, не орал: «Огонь!» И сам себе змей.
И даже курсор от меня уполз, изменив.

ПУТИ-РАЗМЕРЫ

Сменил *анapest* Петербурга
на лёгкий питерский *хорей*,
и на *пеон* под *третьим* номером,
к примеру, Комарово.
На *ямб* Москвы, на Серпухова *дактиль*.
А вот *второй пеон* — Иваново...
И *амфибрахий* захолустного Урюпинска...
Березники — *пеон четвёртый*...
И *первый*, наконец, нагнал у Кемерово.
А там, через совсем далёкие *верлибры*
Ерофея Павловича,
глядишь, и снова на *анapest* перешёл.
Но — Колымы...

КАЛЕНДАРЬ

Я в газете прочёл, что на нас термидор наступает!
Здоровенный такой термидорище, гад окаянный.
В треуголке кустарной заносит за ворот обшлага
длань сухую и зыркает оком, сугубо орлиным.
Ведь не мельницы мяли цырюльный прикид Дон-Кихота —
с телебашен
развёрнутым строем
бетонные волны.

А теперь тишина, темнота. Только шмыг подковёрный.
Кто ж кого победил в этом не-Бородинском сраженье?..
Мерный атом не зря торопил по орбитам мезоны,
и солдатские жёны в запретные зоны стремились.
Олигархи не даром мусолили длинные баксы
перечислить конкретно лимоны на чай персоналу.
Как аналог Пилата, я чистые мылю ладони.
Наше дело следить за печальным исходом кампании —
как заря или что — развернётся из искры кромешной.
Поднимите мне брови. Какое сегодня брюмера?

ХРОНИКА

Рост урожая. Пожар. Убийство. Реклама.
Коммунистический митинг. Реклама. Убийство.
Ввод нефтепровода в строй.
Землетрясение. Два ДТП. Убийство. Рок-фестиваль.
Пожар. Ограбление. Реклама. Убийство. Убийство.
Новинки поэзии. Форум.
Выборы. Митинг фашистов. Убийство.
Марш полугласных. Реклама. Убийцы не найдены.
Реклама. Убийство. Убийство. Звёзды в постели.
Убийство. Убийство. Погода. Убийство.
Марш педофилов. Реклама.
Дебаты в парламенте. Жертвы. Убийство.
Погода. Убийство. Театр у микрофона. Убийство.
Взрыв. Великий Потоп.
Убийство. Убийство. Убийство. Убийство. Убийство.
Реклама.

PAVEL & PAVLIK

*Pavel Korchagin
General menager
Из визитной карточки*

Узких колея добровольная каторга.
Шашка да маузер. Трубы да флаги.
Оторопь Вас проберёт или катарсис,
general menager Pavel Korchagin?

Нет, не тачанкой тачали карьеру Вы,
в коже за *контрой* не мчали, ищейки.
Сами ли скачете, или — курьерами
шлёте партнёрам платёжки и чеки?..

Выпало решкой вам время бубновое:
туз на тузе, да и дамы дебели.
Вы не дебилы ли, русские новые?
Рослесокстрой — ненадёжное дело.

Не довелось вам рубать буржуазию,
гнать кулаков — из амбаров в подвалы.
В части шестой — где Европа и Азия —
место осталось для вас. Только мало.

Вы бы валили по-тихому с офисов...
Или же вы не слыхали прогнозов?..
Юным — дорогу! О вас позаботится
next generation: Pavlik Morozoff.

КОНДОПОГА

Широка и обширна родная страна.
Много в ней всевозможных хреновин.
Но с порядком у нас, как обычно, хана.
Да и климат довольно неровен.
Знаменитые мѳлодцы, богатыри,
древнерусским пропитаны духом,
всех крушили на раз. Ну, на два или три
и мерещились вещим старухам.
Пролетели века. Потеплело слегка.
Нету эллинов. Нету варягов.
Нас крутило спиралью. Теперь — вертикаль:
на-попа. Это — новый порядок.
А по курьим избушкам ягое бабьё,
аппетитные самки кощеев,
плотоядно хохочет, считая *бабло*,
новорусские пасти ощерив...
И пока *медвежонки*, косая нога,
обустряивались по берлогам,
прогремела тишайшая Кѳндопога
редким *сюрдактилическим* слогом.
Ведь в чухонских потѳмках не видно ни зги,
и — чтоб с этою тьмою бороться —
заплясали весѳленькие огоньки,
затрещали хребты инородцев.
Жги, ребята, круши — наступила пора.
Нам свобода — не то, что как прежде.
Не бойсь, мужики, ведь за нас мусора.
И Москва, если что, нас поддержит.
Отпирай этажи, щас начнѳм грабежи

и вопросы решим кардинально.
Встань, *фашист-патриот*, своё слово скажи.
Поднимайся, Воронеж и Нарва!..
Поднимайся, Саратов и Питер — вставай!
Грянь, загорский отряд *камерадов*!
Бологое — *Зиг хайль! Доннерветтер*, Тамань!
Руссиш дух — это *Руссиш поръ-ядок*.
Пусть горит всё дотла, помоги, сатана,
Исполать — топорам да пожарам!..
От России останется: кучка говна.
И урок иностранным державам.

08—22.09.2006

ВТОРОЕ МАРТА

между силой и харизмой
происходит чудеса
кто-то серый так неистов
что готов почти на всё
мальчик мальчик был ты или
ты не мальчик бывший муж
скачешь дальше тили-тили
гоголь-моголь мёртвый душ
там элита знаменита
нерушимого оплота
замени-ка замени-ка
но при этом ни полпота
полу-этот полу-тот
с двух корон орёт урод
и раздумывает что-то
неродившийся народ

02.03.2008

ПАРАД ПЛАНЕТ

Всё, вроде, кончено. Заделов больше нет.
Подобраны все рифмы (на помойке:
там — сор. Тот, из которого — стихи).
Окончен труд. Теперь я жду награды.
А через полчаса — Парад Планет.
Венера с Марсом с вечера по стойке
равнялись "Смирно!" (а она: "Хи-хи!
Не щекотись! А то уйду с парада!..")

Но Марс её в заложницы позвал
и — заложил: за воротник и галстук,
так что пришёл в волнение и экстаз
повеса, фат и донжуан Меркурий,
который, хоть и не любил овал,
но тут (в экс-тазе) рвался и метался,
и в этот *таз* слезами пролилась
гроза начала мая.

— Кто дежурный?

Убрать! — раздался страшный голос вдруг, —
парад и *это вот* — не совместимы!
Немедля прекратить! Из ряда — вонь!..
— Кто это, — я спросил, — Юпитер что ли?..
Ответа нет. Безмолвие вокруг.
Подумал: значит, вот, о чём грустили
со школьных лет обжившие амвон —
о Вечности...

И снова всё, как в школе:
глагола первый ощутив ожог,

рифм штук по сорок заносить по будням
в блокнот, и, тужась созидать сонет,
их рассыпать частично по дороге...
Парад, меж тем, уже произошёл.
Махал Сатурн своим цыганским бубном,
пока Юпитер, маршал среди планет,
скакал пред них на белом Козероге.

КУНШТЮК

Из двух притяжений ты выбрал земное
Виктория Волченко

Дуди, оркестров медь. Мурлычьте, славы тигры.
Судачь о том, о сём, газеты скорбный лист.
Не выбравший — суметь, и не сумевший — выбрать,
восторжествуй, Осёл, ума максималист.

Под тяжестью в руках наполненных стаканов
я — самозванный зав почёрканных бумаг —
прославлю ли в веках твой подвиг Буриданов,
герой, погибший за — плоды обоих благ!..

Летален был итог. Но не перемудрили
учители Начал (не помню их имён).
Тебя сгубил подвох коварной симметрии,
ведь насмерть ты стоял промежду двух копён.

Асфальты и цветы топчу тяжёлой пяткой,
и в горних высях след черчу пером крыла.
И в точности, как ты, я за *одной* охапкой
пренебрегу лететь, кусая удила.

Когда ж меня за *фук* возьмут вражда и злоба,
не выроню ничуть *Викторию* из рук.
Из притяжений двух я выбираю — оба.
Шагаю и лечу. И в этом весь кунштюк!

ЧАСТИ РЕЧИ

Охотник. Чаща. Олени. Топот.
Погоня. Скорость. Копыта. Вой.
Собака. Ветка. Grimаса: злоба.
Винтовка. Тяжесть. Гашётка. Взвод!

Хлестнуло. Грохнуло. Остановился.
Шагнул. Свалился. Рухнул. Лежит.
Сломался. Умер? — Дёрнулся. Виснет.
Рыдает. Просит. Глазеет — жить!..

Лиловый. Громкий. Кровавый. Белый.
Бесцветный. Тихий. Огромный. Злой.
Невнятный. Трепетный. Мокрый. Целый.
Варёный. Вкусный. Полезный. Мой.

* * *

О, оторопь от разного прогресса,
бери меня за самое нутро!
Ведь даже защищать свободу прессы
митинговать я езжу на метро!
Не то в былые времена застоя,
когда с прогрессом полный был облом,
и ничего на бра́ло за живое,
ну, разве, только девушки (с веслом).
Джин-тоника не знали — пили брагу.
Дом был не крепость, а скорей — окоп.
И мяли туалетную бумагу
с лицом вождей и передовиков.
На улицах ещё встречались кони,
хотя уже не грызли удила.
Хрущёв еще безумствовал. Но вскоре
пора другим безумствовать пришла...
Но, кроме тех других, ещё другие
плясали жизни праздничный балет.
И я там был. Пил пиво в выходные.
Ежевечерний делал туалет...
Строчил стишки, сей факт одновременно
скрывая; инженерил (был учён!)
И как-то на обрывке (*Nota bene!*)
«Литературки», кажется, прочёл
призыв к литературной молодёжи
азам учиться прозы и стиха.
Катáрсисом мороз прошёл по коже

(местами). Я решился и, слегка
вспотев, уже в подъезде завершил
обрывка упомянутого чтение:
— Автобус мне! Автобус!...

Вместе с тем я
ходил на службу и по мере сил
(увы, их вечно не хватает всем нам!..)
поддерживал двоякий интерес
к стишкам (и до сих пор он не исчез)
и к двухзеркальным, кажется, антеннам...
Теперь, когда давно уже в почтенном,
как говорится, возрасте живу
и не рифмую по сортирным стенам,
а нюхивал реально, наяву
свой текст, пропахший краской типографской
(офсетная печать не глубока...)
я возгордился гордостью дурацкой,
в которой так и плаваю пока.

НОВЫЙ РУССКИЙ

Без НДС и спецналога
вам хрен покатится телега,
и не построится берлога
без огонька ацетилена.
Поскольку я служу мамоне,
а не какой-нибудь камене,
я говорю на этом фоне
на соответствующей фене.
Меня за лацканы пижамы
уже довольно поддержали
местоименья с падежами.
За мною тоже не заржавет.
Живу по самой верхней мерке:
катаюсь только в иномарке
и секретутке рыжей Верке
за баксы делаю подарки.
И я в малиновом прикиде,
с герлой в малиновом берете
в посол испанский кинул киви
и рябчика жую на третье.

НОЧНОЙ ПЕЙЗАЖ С ЛОКАТОРОМ

Локатор карту лучом колотит.
Локатор катит волну на отмель.
В халате мартом кошачьим бродит
луч, отражённый бесповоротно.

Ему удача б — косые крылья,
и вой сирены, и рёв ракеты...
А он у дачи, сухой и пыльный,
пленён репейниками кювета.

И как ревматик, хромая с хрустом,
забору кости перебирая,
плетётся шагом, зелён и грустен
по небу, как по району рая.

Лишь облака, пустоту нарушив,
в его нерадостном реют свете,
да бестелесно, как ангел душу,
сухие листья пронесит ветер.

ВИРТУАЛЬНОЕ БЕССМЕРТИЕ

Думать: о почерке и о походке.
Не — о сюжете и цели пути.
Здравствуй, Стрелок, остроумный охотник!
Вспыхни. Бабахни. Внуши. Просвети.
Смерть тепловую влечёт, создавая,
взрыв, и на ВСЁ промежуток — пустяк!
Телом истлел? — Но души сетевая
версия теплится — нé в небесах.
Медный узор в эбонитовой тверди
вплавлен, как жук, в материнскую плоть
платы на сервере давнем. Бессмертье —
даром в *Рунете* даровано, хоть —
всё мирозданье на фокус похоже,
и на арене, как злой лицедей,
Вечность со свечкой дежурит у ложа
с ложью спасенья, со страхом судей...
Всё и кончается *Словом*. Играя
звуком и буквой на зле и добре,
тысячелетье какое — не знаю —
там кувыркается в вашем дворе.

СКАЗКА

Слов в обрез. Мыслей тоже негусто, по правде сказать.
Образ жизни похож на какой-нибудь *modus vivendi*.

Я, как Ваня-дурак, шкандыбаю, плешив и пузат,
в лубяную избушку к косматой взъерошенной ведьме.

Уж не знаю, почует ли мой отвратительный дух
и пихать меня в печь поспешит ли, подставив лопату.

Я скажу ей: «Бабуля! Чего ты взъерошилась вдруг?
прямо жар у тебя. Не слетать ли сейчас к аллопату?»

И она расхохочется вдруг, словно фея, юна.

И воскликнет весёлым девчоночьим басом: «По мётлам!»

И уже мы летим! И вокруг расцветает весна!

И орлы поднебесны роняют на спины помёт нам.

В *vitu novi* летим, вроде Данта с Петраркой своей

или как мастеров с разбитною своей маргариткой.

Челюстями вставными напрасно не клацай, Кощей.

Хрен догонишь нас:

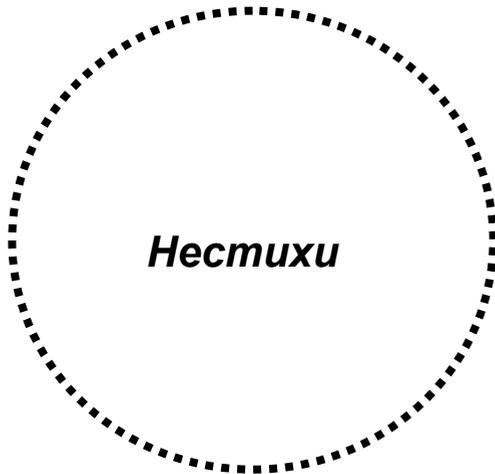
ты, *иммортель*, недостаточно прыткий.

Я стал тоже иной — обольстителен, строен и юн.

И в любом направленьи сумею обрушить удар свой

Кроме Волка, со мной рыжий Кот, между прочим, *баюн*.

И считай, что моё уже всё Тридевятое Царство.

Нестиху

СКАЗКА О ЛЮБВИ

Сергею Ножевникову

1.

...вдруг что-то кольнуло его в руку. Он выронил бес- сильный белый платок. Махать стало нечем. Она медленно уплывала вместе с перроном. Тогда он сорвал с лица алую последнюю улыбку и стал отчаянно размахивать ею. Лицо его было непоправимо грустно и серо. Алый лоскут улыбки освещал еле видный белёсый перрон. Она шла за вагоном. Уже издали, размахнувшись, он бросил ей улыбку, и она поймала её, и прижала к груди, и потом тоже начала размахивать ею, пока поезд не скрылся за поворотом, в гуще серых зданий.

*Человек без улыбки
в освещённом вагоне
пассажирского поезда
в «Чёрт-те куда»...*

*В небе звёздные слитки,
и железные кони
с лошадиною силой
пропыхтят до утра.*

*Он вернётся, пожалуй,
он пройдёт по перрону,
но улыбка сгорела
в безнадёжных руках*

.....

А поезд летел и летел, и за окном была осень.

Он стоял без улыбки задумчиво и барабанил пальцами по стеклу. А с другой стороны по стеклу барабанил пальцами дождь. «Королева, — думал человек, — Снежная Королева, никогда больше я не увижу тебя», и дождь за стеклом казался ему снегом, и шестиугольные снежинки рисовали её лицо в облаках. И он почти уже знал, что теперь каждая снежинка будет для него ожившим словом, потрясающим, чудовищным словом «никогда».

*Мы наливаем в чайники молчанье
и молча пьём. И нам не надо ночи.
А если ночь — уйдём в леса из строчек
и запятой помашем на прощанье...*

2.

Двое сидели на лавочке на Цветном бульваре. Нет-нет, это была не влюблённая парочка. Это были два мужчины. Молодые интеллигенты. Они говорили об искусстве и о науке. Сравнивали их.

— Вот ты говоришь — искусство, — наскაკивал тот, у которого блестел золотой зуб, на того, который уже третий месяц забывал постричься, — а ведь подразделять его на форму и содержание не только банально, но и неверно в корне. Возьмём, к примеру, сатиру. Ну скажи, скажи, какое бы ты дал ей определение?..

Давно не стриженный молчал. Они сто раз говорили уже на эту тему, а также на все остальные: о математике, о женщинах, о спорте, о музыке и мало ли, о чём ещё. Их споры никогда не рождали истины. Но сам процесс был им интересен постоянно. Потому что они

считали себя настоящими интеллигентами. А интеллигент может говорить о чём хочешь.

С золотым зубом кинул окурочек в урну, но не попал. «А почему бы нам не пойти и не выпить пива, — сказал он, — тут недалеко есть неплохой бар, и у меня там есть знакомая официантка. «Да ну её к чёрту, — сказал нестриженный. Только он сказал не «к чёрту», а непечатно, — знаешь, что, совсем рядом, на Рождественском, живёт одна моя знакомая, очень славная девочка. Да ты, кажется, знаешь её. Так не пойти ли нам к ней в гости. С одной стороны — за жизнь поговорим, а с другой — может, накормят. Я же знаю, что у тебя опять нет денег, а до получки ещё 10 дней.» — «Э-э-э, — завертел головой тот, — видишь ли, я, ты знаешь, никогда не против зайти в гости к хорошей девочке, но... Ну, ладно, идём.

Было 20 сентября, и поэтому у их знакомой оказался день рождения (о чём совершенно позабыл нестриженный, а ведь он знал об этом!), и у неё были гости. Было шумно и весело. Интеллигенты тотчас со всеми познакомились, ели и пили много и вкусно. А хозяйка была грустна. Это, впрочем, не придавало торжеству мрачного оттенка, потому что все уже были друг с другом знакомы и рассказывали анекдоты, а в другом углу спорили — то ли опять об искусстве, то ли о женщинах. Словом, интеллигенты попали в самую свою среду. Что и неудивительно.

Грустная хозяйка то появлялась в комнате, то исчезала на кухне. Очень громко играл магнитофон. Сначала был джаз, а потом включили Высоцкого. Тут все притихли и стали слушать. Песни были разные — и очень хорошие, и не очень. Их было слишком много, и к концу все опять стали разговаривать. Обсуждали песни. Снова спорили. Хозяйка принесла кофе. Она была очень вежлива, эта хозяйка. Несмотря на своё,

казалось бы, плохое настроение, она успела поговорить и со всеми вместе, и с каждым в отдельности и о том, что его (каждого) интересовало.

— Пейте, — говорила хозяйка. И гости пили.

— Ешьте, — говорила хозяйка, и гости ели.

— Танцуйте, — говорила хозяйка, и гости танцевали. И было им хорошо и приятно. А хозяйке было, между прочим, ровно 25 лет.

— Потом гости посмотрели на часы и сказали: «Ого!» И ушли.

А хозяйка помыла посуду и пошла спать.

И ей приснился сон.

3.

Во сне всё было очень славно. Тут были её друзья. Они говорили с ней, звали её с собой и улыбались. Но были все какие-то бледные, бесплотные... Они наскучили ей, и она проснулась.

Было ещё темно, но спать уже не хотелось. Она спустила ноги с кровати и привычным движением начала шарить ногами тапки.

Но не нашла.

Опять она вспомнила этот проклятый перрон и ртуть на лицах спешащих.

Вот поезд отходит. Она идёт за вагоном. Вот летит к ней снова и снова яркая звёздочка его улыбки.

— Где он теперь?

— Она никогда его не увидит.

А когда-то он писал стихи. Теперь уже не пишет. Повзрослел. Он писал их только для неё. Друзья советовали попробовать напечатать, но он стеснялся: да кто я такой, чтобы печататься!... А ведь стихи были, пожалуй, и ничего...

Некоторые даже сохранились у неё. Он не любил писать дарственные надписи.

Она встала, зажгла зелёную лампу. Она любила эту дамбу, но сейчас особенно почувствовала освещаемую ею пустоту комнаты.

В ящике письменного стола она отыскивала его стихи. Вот они. Некоторые она знала на память, но сейчас вынула всю тонкую картонную папку и начала их перечитывать одно за другим. Стихи были написаны на листочках, вырванных из тетради его милым знакомым почерком. Это были единственные его автографы: они никогда не переписывались. Странно, часто она слышала о письмах от любимых людей. Но для того, чтобы писать письма, нужно быть в разлуке. А они всегда жили в одном городе, с самого детства. Правда, Москва такой большой город, что можно было бы, пожалуй, и переписываться...

Другие стихи, более поздние, были напечатаны на машинке. Она была древняя и неуклюжая. Буквы прыгали вверх и вниз от среднего положения, строки от этого слегка извивались. Называлась машинка «Идеал», о чём было написано на задней чугунной стенке строгими латинскими буквами. Она видела много раз эту машинку, видела, как сидел он за ней, сгорбившись в свете такой же зелёной, как у неё, лампы... Стены комнаты, оклеенные серыми с белым прямоугольным узором обоями, были разделены её светом на две неравные части. Глубоко под кроватью она увидела пятку найденной тапки, но вставать и лезть под кровать не хотелось. Она выбрала листок из серой папки. «*На веранде вешают качели*», — прыгали букочки, и ей хотелось, чтобы закачались они в ритме стихотворения, в такт качелям, которые вешают на веранде. Она снова задумалась. Потом прочитала стихотворение до конца, отложила его в

сторону и вынула из папки следующее. Это была забавная пародия на серенаду. Она была написана почти детским ещё почерком на пожелтевшем клетчатом листе бумаги и кончалась словами:

*И в глазах твоих, вечно живой,
будет труп окровавленный мой.*

Когда-то ей казалось смешным это стихотворение, но теперь она даже не улыбнулась. Стало светать. Она поёжилась от внезапного ветерка из открытой форточки. Взглянула на часы. Была половина пятого. Можно было поспать ещё целый час. Проверив будильник, она легла снова в постель, укрылась, свернулась калачиком — он говорил: как собачка — и заснула.

Но он ей не приснился.

1967

БИОЛОГИЧКА

Попытка воспоминаний

Что я помню об этом времени (от трёх до семи)? — Красная крыша. Наган с пружиной (подарок на день рождения). «Красный петух»: загорелся забор возле сараев, там и наш был; на зиму небольшой замочек, на который он запирался (как говорил Саша, один из рабочих, которые строили нам дачу уже гораздо позже, в 1999 году, «замок для честных людей») обувался в меховую рукавичку. Мама со свалки в Текстильщиках принесла железок и под нашими окнами пыталась устроить «палисадник». Стукнула себя по пальцу: кровь. Большие мальчики (хулиганы) гоняли голубей и ругались матом (первый мат в моей жизни — когда один (Шурик, кажется, его звали) сказал «-- твою мать!», я, ничего о мате тогда не знавший, почувствовал вдруг почти физически как бы удар тонким свистящим хлыстом по глазам). Они кидали камни, чтобы голуби летали, а не сидели, и однажды камень попал в голубя и оторвал ему голову. Я помню этого безголового голубя в руках хозяина (кажется, всё того же «Шурика» — он вообще был у них заводила). Вместо головы — кровавое, как говорят, «мессиво», а лапки шевелятся так, как будто он хочет поудобнее устроиться в ладонях своего невольного убийцы. Рядом с домом была овощная база. Маль-

чишки (хулиганы) залезали на забор со специальными проволочными крючьями и добывали арбузы — в сезон корки валялись по всему двору. Мы дружили с одними соседями: Мария Дмитриевна, её муж Иван Денисович, шофёр и их трое детей — Юра (~ 12 лет), Толя (~6) и Ниночка (родилась 3 мая 1945). Мы переехали на Биологичку в мае, но после 9-го. Я помню День победы в 1945 году. Мне было 3 года. Мы в 44-м вернулись из эвакуации, и так как нашу комнату заняли, жили пока у родственников (у сестры моей бабушки, тётки Циля) и не где-нибудь, а на ул. Грановского. Это такая улица (сейчас почему-то Романовский переулок — она так и не называлась прежде, и я не думаю, что Романов какой-нибудь (из царской фамилии, вероятно) достойнее профессора Грановского), на которой жило всё начальство: Ворошилов, Будённый, там, Жуков... не знаю, кто ещё, но это известное правительственное место. А тётя Циля имела там (но не в правительственном доме, а рядом) квартиру ещё до 1917 года⁵. Потом её (и её семью) «уплотнили», но 2 комнаты (в одной из которых стояло зубо-врачебное кресло, т.к. она была зубным врачом) оставили. И мы там жили. 9 мая вечером мама взяла меня на руки, и мы вышли на угол Грановского и Герцена (Б. Никитской). Там было очень много народу и салют. Вот, собственно, и всё. Вскоре, в мае же, мы по суду получили «помещение, пригодное для жилья» и переехали туда. А это был странный дом (он и сейчас существует, но давно нежилой) под названием «Биостанция», которая там, вероятно, когда-то была. Местные жители называли её «Биологичкой». За домом был крутой откос, а внизу огороженный лагерь военнопленных, на которых мы, ребятня, глазели сверху. У

---

⁵ уточнить!

нас было поверье, что если показать им красную тряпку, то они начинают очень злиться и ругаться, потому что это всё равно, что советский флаг. Около дома стояли ещё противотанковые ежи. А в склоне откоса мы нашли однажды такую, вроде, печурку, что ли, а в ней лежали гранаты. Мы их взяли и бросались ими во дворе. К счастью, они, не знаю почему, не взорвались...

Первое моё впечатление от нашей комнаты: там стоит чёрная детская колясочка — «не шуми, Ниночка спит». У них была ещё бабушка без одной ноги: она пролезала под вагоном стоящего состава, а он поехал, Биологичка была в нескольких метрах от железнодорожных (товарных) путей. Нога лежала на нижней полке столика, похожего на кухонный у них в комнате. Я думал, что это та самая нога (мумифицированная?), но, вероятно, это всё-таки был протез.

Моя бабуля, несмотря на незрячесть, сама готовила на керосинке, которая была в углу за шкафом, т.е., как бы в «кухне». Вообще, в доме была кухня, и я помню, как посредине её складывали большую новую плиту (печь) с многими конфорками. Но мы на ней не готовили. За нашей стеной, у двери, находилась уборная. Унитаз в ней был проломлен, а слив неисправен, всё время бурно текла вода, а наша стенка (уже со стороны комнаты) всегда была запотевшей, и по ней стекали капельки. Стены были выкрашены масляной краской, кажется, светло-зеленоватой, вроде того, как сейчас выкрашен снаружи наш текущий дом на 1-й Дубровской⁶.

Одно время на электроэнергию был «лимит». Это означало, что платили не по счётчику, а фиксированно. При этом розетки были опечатаны сургучной пе-

---

⁶ уже перекрашен в грязно-жёлтый; потом в серый

чатку, а кругом говорили о «жуликах». У нас (уже, когда розетки были доступны) был радиоприёмник. Он был огромный, в нём было окошко, и там можно было смотреть, какие города принимаются (меня всегда интересовало, откуда берётся этот список городов, в том числе заграничных, ведь он никогда ничему не соответствовал, кроме, может быть, Москвы, которая была везде, в том числе и там, где было написано «Москва»). Надписи были, вероятно, по-русски, т.к. тогда я ещё не знал латинских букв (что противоречит моему воспоминанию, что этот приёмник был трофейный). Как-то приходил мастер чинить его...

У нас была кошка Мурка, которую котёночком дала нам тётя Нора от своего кота (или кошки?). Мама говорит, что Мурка терпеть не могла, когда я плакал: бросалась мне прямо в глаза своими острыми когтями. Вообще, она была очень своенравна. Обычно лежала на этажерке возле двери и дремала, а когда приходили — гости или по делу, врач там, мастер по радио и т.д. — чужие, в общем) — бросалась на них и ужасно царапалась. Не помню, то ли тётя Таня, то ли врач из-за двери прежде, чем войти, кричала: «Убейте вашу кошку!» У меня был складной фанерный домик с окошками, я строил его вокруг Мурки и накрывал крышей: она терпела. Когда мы съезжали с Биологички, 21 января 1950 года (это был нерабочий день, годовщина смерти Ленина; нерабочим было также и 22 января — день памяти жертв 9 января 1905 года), то кошку оставили. В суете я забыл о ней, а взрослые и не хотели брать её в 15-й корпус. Понятно: там в маленьких комнатках жили семь семей, а мы жили в половине комнаты, разделённой фанерной перегородкой и, соответственно, с половиной окна, так что кошка легко могла бы залезать к соседям. Я потом очень плакал (и никто не бросался мне когтями

в лицо...) Мама сказала, что кто-то отнёс её на мясокомбинат, там её видели, а на мясокомбинате кошка не пропадёт. Думаю, что это было не так. Во-первых, вряд ли кому-нибудь нужно было относить её туда, а во-вторых, узнать Мурку среди других кошек, которых там наверняка было немало, было бы сложно и опять-таки, вряд ли кому-то нужно⁷... Мурка была серая с чёрными поперечными полосами. Как тигр. Она никогда не выходила на двор, а когда однажды мы решили вынести её подышать свежим воздухом, со страшным воем вырвалась и убежала обратно домой. Хорошая была кошка. Вообще, все животные, с которыми я имел дело в своей жизни, были очень хорошими. Но лучше всех была моя любимая Долечка... Таких собак просто не бывает. Я до сих пор переживаю её смерть не менее остро, чем смерть близкого человека... Хотя, к Биологичке это отношения не имеет.

Бабуля всегда была очень активна и не считала себя незрячей. «Я плохо вижу», — говорила она. Когда кто-нибудь (из женщин) приходил к нам в чём-то новом или не знакомом ей, она требовала подробно описать ей цвет и фасон, чтобы составить себе полное представление. Она помнила это и при случае сравнивала одно с другим и т. д. Бабуля занималась по крайней мере по русскому языку со старшим сыном М.Д. Юрой. Я при этом присутствовал и уже умел разбирать предложения. Когда бабуля говорила: «Разбери фразу: «Стол стоит на полу», то я кричал раньше Юры: «Стол — подлежащее, стоит — сказуемое, на полу — обстоятельство места!» Юра учил басню «Ворона и Лисица». Он говорил: «От радости в заду дыханье спёрло». Что значит «в зубу» он не

---

⁷ Сейчас мама говорит, что не на мясокомбинат, а на овощебазу. А может, это я позабыл, а она так говорила и раньше... (декабрь 2007)

знал. Потом, когда я уже учился в Университете, однажды вечером позвонила Ниночка и сказала, что Юра умер. Он работал шофёром, стоял с машиной возле Киевского вокзала, и ему стало плохо с сердцем. Приехала скорая и, не разобравшись, вколола ему что-то антиалкогольное, от чего он сразу скончался. Никто не нёс за это никакой ответственности (насколько я знаю). А Толю я в последний раз встретил в трамвае, это было тоже очень давно, хотя, кажется, я уже работал (в Тушино, наверное). Мы с ним немного пообщались, а потом он стал ухаживать за какой-то девушкой, потом я вышел и больше (пока) его не видел. А когда-то он учил меня кататься на коньках. У меня откуда-то были снегурки (его, кажется), и я помню, как Толя подходил к нашему окну (а зима была снежная, и снег доходил почти до окошка) и звал меня кататься. Это было уже в последнюю зиму там, т.е., зиму 1949-50 годов. Первое время я ходил в школу ещё с Биологички. А школа (№470) была на 4-м Дубровском проезде (теперь ул. Мельникова) — между прочим, близко к нашему теперешнему жилью. Там ещё рядом Дворец культуры 1-го ГПЗ, где в 2002 году «Норд-Ост» случился... Мама в обеденный перерыв отвозила меня из школы домой. А туда надо было вообще ехать очень рано, там ещё бывали задержки из-за поездов, которые мешали движению трамвая. Сначала надо было ехать от Клейтука до мясокомбината на 20-м трамвае, а потом на 35-м... Собственно, я не помню, куда на 35-м. Ведь от мясокомбината надо было уже идти пешком до школы... Мне несколько раз снился один и тот же сон, как будто я иду по пустынному 4-му Дубровскому пр., и вдруг из-под земли открываются такие, вроде, люки, в них сидят фашистские солдаты и целются в меня из своих шмайссеров. Страшно было!..

ПАЛОЧКИ МАЭСТРО

Пентаптих

1.

— Маэстро, скажите, пожалуйста, который час?
И маэстро, подняв свои палочки тоненькие, пропел опереточным тенором:

— Московское время пятнадцать часов сорок восемь минут и тридцать четыре секунды-у-унды!

Для этого ему понадобилось секунд 14 с половиной, так что пропетое время было не совсем точным.

А ещё через 8 секунд рухнуло кирпичное здание, в течение приблизительно полутора веков стоявшее в полукилометре от места описываемых событий.

2.

Немецкие концессионеры строили бойни. Уже построен был целый городок унылых одно- и двухэтажных зданий, при одном взгляде на которые у ведомых коров подкашивались колени передних и задних ног. Заканчивалось строительство двухэтажной «бараньей бойни». Крыши ещё не было, и желающие могли видеть будущее здание как бы в плане. Стены его были непомерно толстыми, так что даже самый злобный баран не смог бы прободаться на улицу, и не бы-

ло ему ни единого шанса на спасение. На некоторых кирпичах, да чего там — на многих, почти на всех, были выбиты аккуратные заглавные буквы: М.А.О. «Московское Акционерное Общество», что ли? Или это что-то по-немецки, и они и кирпичи из Германии своей попривозили...

3.

Летело 18 пожарных расчётов. Впереди всех на красном «уазике» мчался главный *бренд-мажор*, или как его там... Все машины беспорядочно дудели:

— Ду-у-ду-ду, ду-ду-ду-ду, ду-ду-ду, — пела одна на мотив «Катюши».

— Ду, ду-ду, ду-ду-ду, ду-ду-ду-ду-ду, — «Марш славянки» раздавался из другой.

Третья была так называемым *тореадором* и исполняла соответствующую арию.

А два пожарных водителя, видимо, совсем уже дошли до ручки (и до точки) и запустили сирену-Интернационал, подпевая разухабистыми полубасами:

— Давай, поедem за соломой! — // быки усталые режут, — // у нас соломы нету дома, // зато навоза целый пуд...

И было много ещё других музыкальных моментов.

Викторова стояла у раскрытого окна и любовалась на ладных пожарных.

Пожара-то, впрочем, и не было.

4.

Всей улицей собирали деньги «погорельцам».

— Да не погорельцы они, у них просто дом рухнул!

— С чего бы это он рухнул? Ни у кого не рухнет, а у этих — вот... Небось сами и подтолкнули, а денежки-то заранее все выгребли. И телефоны свои всякие, телевизоры импортные, компьютеры, прости Господи...

— Да как его подтолкнёшь-то, у него стены вон какие были, полтора метра в диаметре, немцы строили...

— Какой диаметр, они что, круглые что ли были?

— Сама ты, бабка, круглая. Дура.

— От дуры слышу.

Хорошо ещё, что в доме, как нарочно, никого не было. Только кошка одна пострадала. Да и ту после за помойкой нашли — живёхонькую.

5.

— Маэстро, расскажите, пожалуйста, каковы Ваши творческие планы?

И Маэстро, улыбаясь, поднял тоненькие палочки свои.

ВТОРНИК

— Как странно! Ведь откуда-то же я знаю, что умру именно во вторник. Неужели всего лишь из дурацкого сна четырёх-с-половиной-летней давности! И сон-то был какой-то неправдоподобный, не такой, как другие сны. Будто я — уже забыл подробности — быстро бегаю среди многих людей. На рынке, нет, на «восточном» базаре что ли... Или я кого-то догоняю... По-забыл уже. И вдруг мне, как бы с небес, раздаётся громкий голос: «Тебе пора возвращаться!» И вдруг оттуда же, нацеливаясь прямо в меня, летит клинок — меч или кинжал какой-то. Я стараюсь убежать от него, но он меняет направление, двигаясь, видимо, по так называемой «линии погони», т.е. остриё его в каждый момент времени (t) направлено на меня. Потом клинок исчезает, и Голос говорит мне: «Вернёшься во вторник». Сон был в ночь с субботы на воскресенье, и я всё время до вторника (включительно) опасался всего вокруг и думал: «Неужели же не дожить мне до третьего тысячелетия!..»

Вторник прошёл нелетально. И тогда я «понял», что речь идёт не обязательно об этом, уже прошедшем, вторнике, Вернее, уже точно не об этом, но о каком-то другом, а о каком именно, знать мне пока *не положено*...

Конечно, всё это ерунда какая-то, но я почему-то уверен в дне (недели) своей смерти. Это будет во вторник. Вот увидите.

Так думал немолодой инженер по установке программного обеспечения Виктор З., будучи сдавлен в троллейбусе двумя колоссальных габаритов тётками и упираясь левым боком в ручку тележки на колёсиках, везла которую неправая же великанша. Был как раз вторник. «Может, это мой смертный час пришёл», — подумал Виктор и усмехнулся. Думал он несерьёзно, как бы не от своего имени, но в смертельность вторника верил, сам этой верой возмущаясь.

Троллейбус доехал до улицы имени одного из маршалов, и огромный ком людей вывалился из него, напоминая пчелиный рой и увлекая за собой Виктора, который мог бы проехать ещё остановку, но решил не возвращаться в вагон, а пройти по несвежему, впрочем, воздуху. Он почти ни о чём не думал: долго тренировался выбрасывать из головы мысли и добился кое-каких результатов. Вместо мозга работали теперь только глаза, на хрустальную поверхность которых проецировались разноцветные пятна, переводимые всё-таки мозгом в объёмную картинку, да, к сожалению, уши (рёв транспорта). Ему-то хотелось, чтобы всё видимое им представало как бы в сечении воздуха вертикальной плоскостью... А на заднем плане его собственной головы копошились предательски остатки почти наголову разбитых им так называемых мыслей, а также мыслишек и представлений, добыть которые он ежедневно надеялся.

БОРОДИНСКОЕ

Когда я еду по набережной от Киевского вокзала, то почти всегда смотрю на противоположный берег. Раньше там стоял дом. Точнее, два. Один смотрел на Москву-реку и на вокзал за ней, а другой смотрел на первый и немножко на вокзал тоже. От дома вправо шла склизкая деревенская тропинка к Бородинскому мосту. А на нём стояли (и теперь стоят) два странных сооружения из колонн, перехваченных по верху бетонной же (а может, это кирпич какой-нибудь крашенный) перемычкой. Однажды в грозу мы с тобой побежали (зачем-то) по этой тропинке к ближайшей из колоннад и прыгали там (босиком) под мощными струями, радуясь молниям, как парус мятежный, какой-нибудь бури просящий...

Ах, молодость, молодость — как говорится в народе... Что же делали мы потом? — Могу только себе представить, но не помню. Ноги мыли, наверное. Но где? Ведь ванной-то у тебя не было. Потом мы...

«Мы», — я говорю. Это значит: ты и я. Этого «мы» давно уже нет. Ты проживаешь за океаном с мужем и младшим (после меня уже) сыном. А я еду в троллейбусе, полный лысый, но всё ещё бодроватый старик, моложавая гвардия, смотрю через реку — нет ни одного из тех домов, всё по-новому. Там, где стояли они на крутом берегу, откос срезан до самой набережной, она расширена. А на крыше оставшегося от того старого времени странного полукруглого дома горящими буквами написано:

ГК «БОРОДИНО».

СТРАННЫЕ

Тогда появились Странные.

Первого Странного он увидел в метро. На станции «Улица 1905 года» в вагон вошёл высокий Странный мужчина в чёрном с очень круглой головой и с заострённым металлическим прутом в руке. Незаострённый конец прута был дважды изогнут так, что, воткнув его в (мягкую) землю, на крючок можно было повесить всё, что захочешь. Котелок, например. Хотя С. был уверен, что не для котелка был предназначен этот прут. Ценная палка. Особенно в довольно-таки полном вагоне. Мужчина стоял на ногах, казалось, не твёрдо, хотя пьян не был. Когда вагон качнуло, он чуть не упал. Пассажир, стоявший рядом, принял на себя толчок его тела и тем удержал последнее от падения. Странный зацепился крючком за верхний поручень. С. вышел на «Баррикадной» с облегчением: ему всё казалось, что Странный вдруг пырнёт кого-нибудь, может, даже лично его, в живот или в задницу своей заточкой.

В тот же день огромные милиционеры остановили С. и проверили его документы.

— Что в сумке? — спросил один из них, видимо, главный, у него и нашивка на погоне дополнительная была, и потянулся к чёрной сумке, где лежали компакт-диски, хард диск переносной; и уже сложенный пустой рюкзак.

— Предъявите ордер на обыск! — вдруг крикнул С. почему-то писклявым от волнения голосом и сам себе удивился. Мент слегка опешил, и С. кинулся бежать, петляя между матерящимися (тоже странными) пассажирами, с ужасом вычлняя из общего шума грохот сапог преследователей.

Но менты вдруг остановились, одновременно развернулись направо, как по команде «Левое плечо — вперёд!», и молча неотвратимой массой двинулись навстречу упитанному кавказцу, только что сошедшему с эскалатора.

С. перешёл на шаг и поднял глаза.

У киоска с носками, тапочками и разварной пшёнкой недобро ухмылялся Странный.

МЕММАКЕР

В составе *OFFICE* я делаю *МЕММАКЕР*. Два провода к вискам (через *USB*-порт). На экране моя память. Т.е. то, что я помню. Как бы. Её можно прокручивать на экране последовательно или фрагментами в произвольном порядке. В некоторых местах сплошной серый фон. Там всё забыто. По краям этих участков можно пройтись меньшим шагом (т.е. с бдльшей разрешимостью), и там могут проявиться слабо вспоминаемые мною обрывки, по которым *Memmaker* экстраполирует «близлежащие» события, они могут найти отзвук в моей памяти и сделают доступными ещё сколько-то ячеек, содержимое которых также отобразится на экране. Можно включить такую опцию (*Make*) в меню *Edit*, что если *Memmaker* ошибётся, т.е. экстраполяция не будет соответствовать истине, то в моей памяти эти ячейки останутся открытыми и события, произведённые программой станут моими неотъемлемыми воспоминаниями.

Но ведь это значит, что там, где всё совсем серо и экстраполировать нечего, я могу создать новые воспоминания, которые также присвою посредством опции *Make*. (Не забыть отключить и стереть память о применении этой опции!)

Более того. Я могу удалить из собственной памяти неприятные воспоминания, стыдные, может быть, позорные для меня и вместо них создать новые, напри-

мер, о путешествиях по на самом деле невиданным мною местам, о спасении мною девочки на пожаре, об участии в иных героических событиях и т.д.

Я так смогу отредактировать свою память, что просматривать её на дисплее Memmaker'a окажется ежедневным ни с чем не сравнимым удовольствием. Я как бы смогу вновь переживать всю свою долгую жизнь (не подозревая, что часть её выдумана мною же), и пропадёт навсегда жгучее чувство сродни клаустрофобии, которое живёт у меня в низу живота и выдаёт совершенно настоящие болезненные спазмы, когда голова моя плывёт, и я чувствую, что схожу с ума, что я сейчас начну, безумствуя, биться о невидимые стенки так называемого настоящего, из которого — я знаю! — невозможно вырваться в милое прошлое, даже во вчерашний день, когда мы с Симой и её дачной подружкой, поставив за забором, окружающим дачные участки, Симину игрушечную палатку, собирали землянику в маленькие эмалированные кружечки. А потом загремел гром, мы увидели приближающуюся тучу, быстро собрались и побежали домой... А грозы так и не было. Она разразилась только ночью, уже под утро... Даже туда мне уже нет пути! Но теперь, с Memmaker'ом, всё это доступно мне снова и снова.

И снова я молодой, и со мною собака любимая Долли и кошка любимая Мурка. И Рина ещё молодая и мясоедая... И бабушка, дедушка живы. И мама бежит, не хромя, со мною по Крымскому мосту глядеть, как колонны молодых иностранцев по набережной мчат в Лужники на открытие Фестиваля, крича и махая: «Мир, дружба, водка!..»

Любви и влюблённости тоже... Вот, где уж я всласть порезвлюсь, редактируя прошлое!..

Ведь то, что было со мной, находится только в ячейках загадочных памяти, то есть в каком-то брожении частиц, биотоков, дерьма, протоплазмы и химии. И значит, возможно создать такое всего сочетание этого вместе, которое, может быть, всю переменит картину.

Для этого, собственно, мною
и создан удобный *Memmaker!*

СОДЕРЖАНИЕ

НЕПРОЗА

КОГДА-ТО	5
«Тягучий сюжет выползал неспроста...»	6
ДЕЛА	7
«Забудь каток и колесо...»	8
ВЕК — МНОГОЯК	9
СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В ПОЕЗДЕ	10
ПЕРЕСМЕНОК ВРЕМЁН	11
УРОКИ МУЗЫ	12
«Дорога прямая, и солнце блестит...»	13
КЛАУЗУЛА	14
«Не творец: исполнитель...»	16
ПАУК И МУХА	17
НА ВОЗВРАЩЕНИЕ ЯМБА	18
СВОБОДА ТЕПЕРЬ	19
ОКТЯБРИ	21
Я	22
ЛЕТАЯ, ЛИКУЯ, ИГРАЯ	23
РЕЧКА СХОДНЯ	25
«Тропинкой, похожей на прочие...»	25
ПАМЯТИ А. ШАРГОРОДСКОГО	26
«Так. XXI столетье...»	27
«делающие белое и цветное...»	29
«Я вхож в один кружок...»	30
О СЛАВЕ	31
ЭТЮД	32
«Как времена летят? — Как птицы...»	33
БЫТЬ ДОЛГОРУКИМ	34
УЛЁТ В СЕТЬ	36
КУРТУАЗНОЕ	37
МОСКВА И ЕВРЕЙ	38
ДАЧНЫЙ ВЕЧЕР	39

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕЩАЕТСЯ.....	40
МЫСЛИ ПЕРЕД СНОМ В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ.....	44
НА ЗАЩИТУ С.П.СТРУНКОВЫМ ДОКТОРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ	45
ЛЕДИ ГОДИВА.....	46
ОСЕНЬ.....	48
ЗВЕРУШКА-66.....	49
«В 66-м году...».....	50
ВЕРБАЛЬНОЕ БОЛЕРО.....	51
ШТУКИ.....	53
«Сегодня Коля был без Светы...».....	54
СЛУЧАЙ С ВОЕННЫМ.....	55
ПУТИ-РАЗМЕРЫ.....	56
КАЛЕНДАРЬ.....	57
ХРОНИКА.....	58
PAVEL & PAVLIK.....	59
КОНДОПОГА.....	60
ВТОРОЕ МАРТА.....	61
ПАРАД ПЛАНЕТ.....	63
КУНШТЮК.....	65
ЧАСТИ РЕЧИ.....	66
«О, оторопь от разного прогресса...».....	67
НОВЫЙ РУССКИЙ.....	69
НОЧНОЙ ПЕЙЗАЖ С ЛОКАТОРОМ.....	70
ВИРТУАЛЬНОЕ БЕССМЕРТИЕ.....	71
СКАЗКА.....	72

НЕСТИХИ

СКАЗКА О ЛЮБВИ.....	75
БИОЛОГИЧКА.....	81
ПАЛОЧКИ МАЭСТРО.....	87
ВТОРНИК.....	90
«Когда я еду по набережной...».....	92
СТРАННЫЕ.....	93
МЕММАКЕР.....	95

**Воловик Александр
Палочки маэстро**

Палочки маэстро / Александр Воловик
– М.: «Набла», 2008. – 100 с.

**Очередная полуизданная книга
Александра Воловика**

Координаты автора:

Сайт: <https://poezia.ru/authors/volovik>

E-mail: a-volovik@yandex.ru

© А.И Воловик, 2008.

© М.: «ЭПОХА САМИЗДАТА», 2008